

ИНТЕРЕСНАЯ НАХОДКА: О ПЕРСПЕКТИВАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ УЧЕБНОГО КОРПУСА ПЕРЕВОДОВ¹

Е. А. Власова

А. С. Выренкова

(Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»)

Введение

На первый взгляд кажется, что предлагаемая статья несколько выбивается из общей тематики сборника, и, в общем, это действительно так, поскольку она не посвящена непосредственно лексической типологии. Однако есть две причины, которые оправдывают ее присутствие в этой книге. Прежде всего, это присущее Екатерине Владимировне редкое качество видеть нестандартное в стандартном и ее любовь к изучению нестандартного в языке — ниже мы как раз будем говорить о речи инофонов, в которой традиционно фиксируется множество отклонений от стандарта. Вторая причина является следствием первой — именно такое творческое отношение к языковым явлениям позволило Екатерине Владимировне обнаружить новые возможности использования учебных корпусов — инструмента, ставшего привычным для преподавателей иностранного языка и исследователей в области его усвоения. Дело в том, что данные таких корпусов существенно уточняют результаты лексико-типологического анализа, зачастую открывая новые перспективы в изучении того или иного поля, ведь языковая интерференция, ведущая к появлению неточных или ошибочных

¹ Данная работа выполнена при поддержке гранта РФФ 16-18-02071 «Пограничный русский: оценка сложности восприятия русского текста в теоретическом, экспериментальном и статистическом аспектах». Авторы выражают глубокую признательность редакторам сборника и Светлане Пужаевой за ценные комментарии и замечания.

употреблений лексем и включающих их конструкций, раскрывает нетривиальные противопоставления между доминантным и изучаемым языками². В рамках предлагаемой статьи мы не ставили перед собой цели получить типологически релевантные результаты, однако описанный здесь ресурс вполне может оказаться полезным для лексической типологии.

Итак, в данной работе мы хотели бы представить только что созданный учебный корпус переводов на русский язык и показать некоторые его возможности.

Этот корпус «вырос» из крупного проекта, развивающегося под руководством Екатерины Владимировны, — учебного корпуса русского языка (Russian Learner Corpus, или RLC)³. В RLC собраны устные и письменные тексты студентов русского как иностранного и эритажных носителей⁴. Это прежде всего так называемая свободная продукция, то есть рассуждения авторов на заданные темы, где выбор тех или иных языковых форм из доступного обучающемуся репертуара заданием не ограничен. Безусловно, изучение стратегий относительно свободного языкового выбора представляет большой интерес, именно поэтому расширение RLC происходит за счет разного рода сочинений. Однако, помимо эссе и прочих жанров свободного рассуждения, преподаватели русского языка в зарубежных школах и университетах часто предлагали пополнять корпус и переводами, поскольку перевод является одним из достаточно распространенных заданий и подобного материала у них бывает достаточно много. В некотором смысле корпус переводов мы начали собирать по принципу «жалко, что пропадет материал», но, учитывая, что переводные тексты тесно привязаны к тексту-оригиналу, ценность такого корпуса казалась скорее методической.

Действительно, кажется, что переводы менее интересны исследователю, поскольку наличие текста-оригинала и вынужденный подбор адекватного

² См. Рахилина Е. В. Грамматика ошибок: в поисках констант // Язык. Константы. Переменные: Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. СПб., 2014. С. 87–95.

³ См. RLC — Russian Learner Coprus: <http://web-corpora.net/RLC>. См. Rakhilina et al. Building a learner corpus for Russian // *Proceedings of the joint workshop on NLP for Computer Assisted Language Learning and NLP for Language Acquisition at SLTC. Linköping: LiU Electronic Press*, 2016. Ch. 10.

⁴ Т. е. людей, которые начали усваивать русский язык как родной, но оказались в иноязычном окружении, вследствие чего русский язык перестал быть для них доминантным. Об определении эритажных носителей см. подробнее Polinsky M., Kagan O. Heritage languages: In the ‘wild’ and in the classroom // *Language and linguistics compass*. 2007. № 1 (5).

и близкого эквивалента из языка-цели приводят к более искусственному порождению речи, чем сочинение или свободное рассуждение. Однако, как оказалось, изучение стратегий этого выбора, связанных в том числе с доступностью некоторых цельных идиоматичных структур в изучаемом языке, представляет собой самостоятельную и очень интересную лингвистическую проблему.

Студенты, чьи тексты собраны в корпусе переводов, «играют по особым правилам». Их специально учат мыслить некомпозиционально, то есть чувствовать идиоматичность как родного, так и изучаемого языка. Основная задача, стоящая перед ними, — найти семантически адекватный эквивалент. На первый взгляд кажется, что для студента это дело техники — нужно твердо выучить списки эквивалентов. Однако, как показывает анализ, использование этих списков в реальности приводит к достаточно любопытным лингвистическим результатам. Более того, отдельную проблему представляет вопрос о том, что такое «адекватный» эквивалент, ведь некомпозициональные выражения одного языка совершенно необязательно совпадают с некомпозициональными эквивалентами другого языка по всем своим семантическим и прагматическим свойствам. С этой точки зрения корпуса переводов интересны и лексическим типологам, ведь тексты переводов, как и данные учебных корпусов свободной продукции, демонстрируют взаимодействие изучаемого и доминантного языков, причем свидетельства такого взаимодействия, представленные в этих двух типах ресурсов, не являются идентичными.

Кроме того, присутствие текста-оригинала можно рассматривать как очевидный плюс корпуса переводов, поскольку он дает возможность исследователю быть относительно уверенным в том, какие именно семантические и прагматические тонкости хотел выразить автор перевода теми или иными средствами.

Таким образом, корпус переводов представляет собой интересный синтез: с архитектурной точки зрения, это комбинация учебного и параллельного корпусов, с точки зрения содержащихся данных — многообразие речевых стилей, представленное оригиналами. Так, например, часто источник представляет собой отрывок из художественного произведения, содержащий диалоги, яркие эпитеты и фразеологизмы, что, безусловно, сказывается и на характере перевода, резко отличая его от сочинения на свободную тему.

Далее мы сделаем попытку проиллюстрировать потенциал нового корпуса учебных переводов на примере двух кейсов — русских аналогов, представленных студентами для английских конструкций 1) *a page or two* и 2) *I believe you do, indeed*. Мы выбрали именно эти две конструкции не случайно. Первый кейс не является специфичным для корпуса

переводов: русские варианты похожих конструкций встречаются и в RLC, что дает возможность сравнить данные двух корпусов и стратегии языкового выбора при переводе и свободном порождении текста. Второй кейс не имеет прямых аналогов в RLC, поскольку является частью коммуникации-диалога между двумя персонажами литературного произведения, и мы рассматриваем его как характерный именно для корпуса переводов.

Анализ материала

На данный момент учебный корпус переводов на русский язык содержит данные студентов с доминантным английским, доминантным итальянским и доминантным французским языками общим объемом примерно 60 000 словоупотреблений, однако корпус будет постоянно пополняться.

На примере анализа одного из текстов мы покажем, что учебные переводы так же, как и обычные учебные эссе, поддаются лингвистическому анализу с использованием системы тегов и инструментов, разработанных для RLC.

В качестве образца выбран отрывок из английского романа Джорджа Гиссинга (англ. George Gissing, *New Grub Street*) и 4 учебных русскоязычных перевода этого текста, которые позволяют сопоставить стратегии выбора языковых единиц разными учащимися и их отклонения от грамматической и литературной нормы русского языка. Сразу отметим, что далее мы не обсуждаем орфографические ошибки, различные нарушения слово- и формообразования, а также согласования. Перечисленные нарушения относительно легко поддаются разметке и отражают неполное или неавтоматическое владение системой словоформ и тезауруса, например, *Любовь длится несколько **месяц*** (вместо *месяцев*).

В данной статье нас интересуют такие аномалии, которые отражают взаимодействие грамматики с семантикой и прагматикой, обеспечивающее в конечном итоге адекватность перевода нормам русского языка. Мы поставили задачу выяснить, в какой степени ошибки и отклонения в учебных переводных текстах схожи с теми, которые наблюдаются у авторов обычных эссе, и есть ли между ними принципиальные различия. Сходство отклонений и стратегий лингвистического выбора студентов, порождающих тексты разной коммуникативной направленности, позволит нам оценить, в какой степени существующая система тегов применима к анализу лингвистических особенностей учебных переводов.

Case study 1: a page or two

Несмотря на разнообразие индивидуальных лексико-грамматических отклонений, в учебных переводах выделяются такие элементы, для которых попытки подобрать грамматически и семантически правильный эквивалент на русском языке регулярно приводят к нарушениям нормы. Одним из таких контекстов стало предложение, содержащее английский оборот *a page or two*:

- (1) *Amy took up a volume presently, and glanced over a page or two.*

текст-источник

В английском языке структура *N or two*, где в позиции *N* выступает счетное существительное с неопределенным артиклем, используется для указания на неточное количество. Приведем еще несколько примеров из Британского Национального корпуса (BNC)⁵ с нашими собственными переводами:

- (2) *I have a word or two to say to you* (BNC)

Мне нужно сказать тебе пару слов / несколько слов / можно тебя на пару слов;

- (3) *to voice an opinion or two* (BNC)

озвучить пару мнений / одно-два мнения;

- (4) *decided to build a hotel or two* (BNC)

решили построить пару отелей / один-два отеля

Оборот *N or two* представляет собой устойчивое сочетание формы ед. ч. существительного с числительным, и за этой синтаксической структурой закреплено регулярное значение. Таким образом, эта структура имеет все признаки лингвистической конструкции, а потому она может быть проанализирована как совокупность лексических и синтаксических признаков в терминах грамматики конструкций, разрабатываемой Е. В. Рахилиной на материале русского языка⁶.

Лингвистические основы теории перевода строятся на том, что конструкциям одного языка могут соответствовать как структурно близкие конструкции, так и разнообразные лексические явления, специфические синтаксические структуры, а также лингвистические лакуны⁷.

⁵ См. BNC — British National Corpus: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>

⁶ См. Рахилина Е. В. Лингвистика конструкций. М., 2010.

⁷ См. Бархударов Л. С. Язык и перевод: (Вопросы общей и частной теории перевода). М., 1975.

Наша интуиция носителей языка подсказывает, что оборот *N or two* по семантике наиболее близок русским количественно-именным сочетаниям со словами *пара, несколько* или же устойчивому обороту *один-два*. Во всех из них присутствуют такие семантические компоненты, как ‘небольшое количество’, ‘неточное число’, ‘счетный объект’.

Кроме того, в русском языке есть конструкция, построенная по той же модели, что и английский оборот *N or two* (рус. *N* или два/две), ср. примеры из НКРЯ:

- (5) *узнали друг друга через **день или два*** [Виктор Пелевин. Желтая стрела (1993)];
- (6) *Мы катили через эту страну **час или два*** [Василий Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // «Новый Мир», 1976].

Как показывает НКРЯ, в позиции *N* преимущественно употребляются слова темпоральной семантики, указывающие на временные отрезки, однако другие счетные предметные имена также допустимы внутри этой конструкции, например:

- (7) *В некоторых "застольных" песнях запоминается и устойчиво воспроизводится не только начальный **куплет или два**, но и что-то из последующего текста;*
- (8) *За ней все гонялись и хвастались, что смогли достать **блок или два**.* [Андрей Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью (2001)].

Кроме того, НКРЯ показывает, что у сочетания *N or two* есть еще один структурно близкий эквивалент *один или два N*, внутри которого допускается эллипсис союза *один-два N*. Автоматическая статистика НКРЯ указывает на то, что структура *один-два N* является более частотной в современном узусе, чем *один или два N*, ср. диапазон частоты на миллион словоформ за период с 1950 по 2014 гг.:

	1 или 2 N	1–2 N
Мужской и средний род (один или два, один-два)	0,5–3	2–6
Женский род (одна или две, одна-две)	0,1–0,65	0,3–1
Средний род (одно или два, одно-два)	0–0,6	0,1–1,2

Таким образом, в распоряжении студента-переводчика есть несколько эквивалентов английской конструкции *N or two*: семантически близкие количественно-именные сочетания (*несколько страниц, пара страниц*) и структурно близкие конструкции *N или два/две, одну или две N, одну-две N*. Осуществляя языковой выбор среди рассмотренных вариантов, студент, выполняющий перевод, может следовать разным стратегиям.

- А) Студент может использовать семантически близкий эквивалент, игнорируя грамматические особенности оригинала, например, *Эми просмотрела пару страниц* (перевод наш).
- Б) Студент может использовать структурно и семантически близкую конструкцию русского языка: *Эми посмотрела страницу или две*.
- В) Студент может использовать русскую конструкцию *одну или две страницы* или *одну-две страницы*. В последнем случае выбор учащегося будет соответствовать более частотному варианту, а значит, будет оцениваться читателем как более естественный текст, в котором не видно подстрочника.

В теории перевода допускается использовать все три стратегии при условии содержательной точности и соблюдении грамматической нормы⁸.

Далее мы рассмотрим, каким из перечисленных стратегий фактически следуют студенты-иностранцы, выполняющие учебные переводы, и какие при этом наблюдаются языковые нарушения.

В одном случае студент выбирает стратегию А, то есть он идет по пути семантического и формального упрощения, предлагая грамматически правильный вариант, однако отказываясь от указания на неточное количество:

(9) *Эми взяла том из них и пробежала **страницу** глазами.* Студент 1

Во втором случае студент следует стратегии Б, предлагая максимально близкую с точки зрения структуры конструкцию, однако запутывается с формой числа:

(10) *Эми бросила быстрый взгляд **на страницы или две**.* Студент 2

Появление ошибки при выборе русской конструкции, имеющей точно такую же структурную схему, как и английский оригинал, кажется неожиданным.

Этот пример вызывает интерес с точки зрения теории изучения второго иностранного языка, поскольку он противоречит широко обсуждаемой гипотезе контрастивного анализа, согласно которой вероятность появления ошибок мала, если языковое явление устроено одинаково в родном

⁸ Там же.

и иностранном языках⁹. Между тем в разобранным нами примере результат оказывается обратным: учащийся имеет перед глазами текст оригинала и подбирает эквивалентную синтаксическую модель из русского языка (a page or two — страницу или две), однако все равно совершает ошибку, поскольку выбирает форму множественного числа, а не единственного.

Механизм появления ошибки в этой конструкции можно объяснить с точки зрения грамматической семантики. Весь оборот подразумевает денотативную множественность, однако грамматическая структура требует здесь счетной формы единственного числа. Интересно то, что при конфликте грамматического единственного числа и семантической множественности студент предпочитает форму мн. ч., избавляясь от языковой асимметрии и достигая однозначного соответствия грамматической формы и значения всей конструкции.

В этом смысле исследование ошибок в учебных переводах дает нам возможности протестировать основные положения теории изучения второго иностранного языка и определить стратегии языкового выбора, опираясь на корпусные методы.

В третьем переводе студент выбрал устойчивый количественный оборот с союзом *один или два*, не нарушая при этом грамматических правил:

(11) *Эми взяла томик и взглянула на одну или две страницы. Студент 3*

Наконец, автор четвертого перевода выбирает бессознательную структуру *один-два X* и не справляется со сложной координацией между составляющими именной группы:

(12) *Эми взяла том и перелистовала через один-два страниц. Студент 4*

Во-первых, студент игнорирует согласование по роду количественного слова со счетной формой, во-вторых, использует не единственное, а множественное число, снова делая выбор в пользу маркирования денотативной множественности. Впрочем, в этом случае возможно и другое объяснение. Эллипсис союза может затемнять структуру конструкции и приводить к тому, что студент воспринимает ее как одну именную группу с вершиной *один-два*, связывая ее модель управления с другими неопределенно-количественными словами *несколько, много* и др., при которых используется форма мн.ч. род. падежа (ср.: много/несколько страниц).

Итак, анализ примеров показывает, что студенты справляются с переводом устойчивого английского выражения *N or two* либо когда упрощают структуру фразы (*пробежала страницу глазами*), либо когда выбирают

⁹ Gass S., Selinker L. Second language acquisition: An introductory course. Routledge, 2008.

конструкцию с максимально композициональной структурой (*взглянула на одну или две страницы*). Напротив, конструкции, содержащие несколько синтаксических нулей (*страницу или две, одну-две страницы*), провоцируют учащихся на семантический и структурный реанализ, который приводит к грамматическим ошибкам.

Эти данные, полученные в результате анализа учебных переводов, интересно сопоставить с данными русского учебного корпуса RLC, чтобы выяснить, насколько стратегии лингвистического выбора при переводе отличаются от тех, которые задействованы при свободном продуцировании текста без опоры на текст-оригинал. Для этого мы использовали поисковые инструменты RLC и проверяли на предмет ошибок устойчивые сочетания, содержащие элементы **или два/две*.

Как и студенты, выполняющие переводы, авторы учебных эссе с трудом справляются со сложной схемой координации внутри счетного оборота *один или два* и *один-два* — наблюдаются нарушения согласования по роду и ошибки в управлении. Интересно то, что студенты совершают ошибки не хаотично, а формируют собственные модели.

Студенты, изучающие русский язык как иностранный, с доминантными языками германской группы добавляют счетную форму в номинативе, при этом встречаются формы единственного и множественного числа — в скобках мы указываем доминантный язык и то, является ли русский язык иностранным или эритажным:

- (13) *у меня есть один или два урок* (шведский, эритажный);
- (14) *Но, какда у кого есть один или два отличний друг / подруга они очень рад* (английский, иностранный).
- (15) *...нет, может быть снег один-два день* (английский, иностранный).

Студент с доминантным финским языком использует счетную форму в родительном падеже ед.ч. — на это указывают окончания прилагательного и существительного:

- (16) *Всё время открыто основная экспозиция и один или две временной экспозиции* (финский, иностранный).

В данном случае ориентиром может быть конструкция доминантного финского языка, в котором счетная форма используется в форме партитива единственного числа.

Таким образом, у студентов-инофонов наблюдается перенос моделей падежного управления из родного языка в иностранный.

Помимо ошибок в согласовании по роду и управлении, у авторов эссе выявлен еще один тип нарушений, который не встречается в учебных

переводах. Он связан с синтаксической моделью *N или два/две — куплет или два, страница или две* и пр. Дело в том, что указанная конструкция основана на сочинительной связи двух количественно-именных групп: *одна страница или две страницы*. В рамках синтаксически фразеологизированной конструкции в первой именной группе наблюдается эллипсис числительного, а во второй именной группе — эллипсис счетной формы, ср.: *(одна) страница или две (страницы)*. Выше мы показали, что наличие нескольких нулей в структуре русской конструкции провоцировало авторов переводов на реанализ и, как следствие, грамматические ошибки. Между тем в свободно продуцируемых текстах студенты стремятся избавиться от синтаксических нулей, заполняя эти позиции полнозначными формами. Интересно то, что студенты, изучающие русский язык как иностранный, независимо от доминантного языка, заполняют только одну синтаксически нулевую позицию, восстанавливая счетную форму второй именной группы:

- (17) *я провожу час или два часа в общественных транспортах* (финский, иностранный);
Мы встретились раз или два раза на неделе и работала и имели приключения (английский, иностранный);
- (18) *К сожалению мы обычно только раз или два раза год встретимся* (финский, иностранный);

Интересно то, что в финском языке также есть устойчивый оборот, построенный по модели *N or two* со значением неточного количества:

- a. *tunni-n tai kaksi*
 час-acc.sg или два
- b. *kerra-n tai kaksi*
 раз-acc.sg или два

В очередной раз мы наблюдаем, что, несмотря на наличие полного структурного эквивалента в финском и русском языках, студенты совершают реанализ конструкции, заполняя синтаксически нулевые позиции счетной формы и добиваясь однозначного соответствия формы и значения. То, что эта стратегия грамматического выбора не связана с доминантным языком, доказывает пример с той же ошибкой в английском языке, в котором для указания на количество раз используется другой устойчивый оборот *once or twice*, ср.:

- (19) *Мы встретились раз или два раза на неделе и работала и имели приключения* (английский, иностранный).

Интересно то, что дальше всех в стремлении избавиться от эллипсиса идет студент, для которого русский язык является эритажным, ср.:

(20) *От учёбы и работы обычно отдыхаю один день или два дня в неделю* (финский, эритажный).

Этот студент заполняет все нулевые позиции, хотя в финском и русском языках синтаксически нулевая позиция закреплена во фразеологизированной структуре конструкции.

Сопоставление ошибок, наблюдаемых в переводах и эссе, выявило, что больше всего различного рода отклонений появляется не только тогда, когда два языковых явления устроены по-разному в доминантном и изучаемом языках, но и в тех случаях, когда два языковых элемента имеют одинаковую структуру. Корпус переводов показывает, что студенты, имея «перед глазами» оригинальный текст и осознанно подбирая к нему эквивалентную в структурном и семантическом отношении конструкцию, все равно совершают грамматические ошибки.

Интересно то, что характер грамматических нарушений при переводе и спонтанном порождении текста оказывается разным. Авторы переводов стремятся к «выравниванию» конструкции по семантическому признаку, используя счетные формы во множественном числе, соответствующем значению всей конструкции. Между тем авторы спонтанных текстов устраняют грамматическую асимметрию конструкций по структурному признаку, избавляясь от синтаксически нулевых позиций и заполняя все валентности. Таким образом, введение корпуса учебных переводов в научный оборот и исследование его методами корпусной лингвистики, во-первых, имеет доказательный потенциал, подтверждая гипотезы о творческих стратегиях речепорождения носителей нестандартного русского языка¹⁰. Во-вторых, учебные переводы могут стать источником новой информации о константах и различиях языкового выбора учащимися при выполнении различных коммуникативных заданий, какими являются перевод и сочинение-рассуждение.

Case study 2: I believe you do, indeed!

Как мы уже говорили ранее, при работе с корпусом переводов мы встречаем и случаи, не характерные для корпуса RLC, в котором собраны учебные эссе. Так, например, корпус свободной продукции, очевидно,

¹⁰ Rakhilina E., Vyrenkova A., Polinsky M. Linguistic Creativity in Heritage Speakers // Glossa: a journal of general linguistics. 2016. 1(1). 43.

будет содержать монологическую речь, что совсем необязательно для переводных текстов. При этом при переводе диалогов студентам также нужно учитывать некомпозициональность в структуре родного языка (языка-источника) и изучаемого языка (языка-цели). Простым примером может служить, например, порядок слов автора в художественной литературе, который и в русском, и в английском языке является конвенциональным. Так, в русском языке порядок слов автора часто бывает инверсивным: подлежащее чаще следует за глаголом речи. В английском, напротив, порядок слов автора чаще прямой :

- (21) *"Thank you, Doctor," he said as he went.* [Michael Connelly. City Of Bones (2002)]
Спасибо, доктор, — сказал он, поворачиваясь. [Майкл Коннели. Город костей (Д. Вознякевич, 2006)]

Однако, если изменение порядка слов в этом случае не воспринимается носителем языка как отклонение от нормы — мы просто наблюдаем трансфер, приводящий к употреблению менее частотной в изучаемом языке модели, то в некоторых других случаях выбранные инофонами конструкции русского языка явно не соответствуют адекватной контексту дискурсивной функции, как в примере (22):

- (22) *"I get rather tired of it sometimes," admitted Helen. текст-источник*
"I believe you do, indeed. ...
 досл. '«Я устаю от этого иногда,» признала Хелен.
 «Я верю, что ты делаешь, действительно».'

Отвлекаясь от возможных проблем при переводе первой фразы, мы подробнее рассмотрим вторую — ответную реплику. Уже из подстрочника видно, что хороший перевод потребует подбора идиоматичного эквивалента от переводчика, которому предстоит столкнуться по крайней мере с двумя очевидными трудностями:

1. найти подходящий эквивалент для глагола *to believe*,
2. найти подходящий эквивалент для проverbs *do* и в целом оборота *you do*.

Известно, что глагол *to believe* может переводиться на русский язык целым рядом ментальных предикатов. Так, в параллельном корпусе НКРЯ зафиксированы следующие аналоги этого глагола в утвердительных предложениях: *верить, поверить, думать, полагать, считать, быть уверенным* и др. Как видно, вариантов достаточно много, и еще больше их появляется при анализе тех контекстов с глаголом *to believe* (чаще вопросительных и отрицательных), которым в русском языке соответствуют так

называемые дискурсивы и коммуникативы. Согласно терминологии, разработанной И. А. Шароновым¹¹, последние определяются как слова, фразы или короткие предложения, которые в составе ответной реплики служат самостоятельным стереотипным выражением определенной реакции собеседника (согласие / удивление / сомнение и пр.). В качестве примера приведем следующие пары предложений из параллельного англо-русского корпуса НКРЯ¹²:

- (23) а. “**Do you believe it?** *Four years.*” [Lauren Weisberger. *The Devil Wears Prada* (2003)]
Ты представляешь? *Четыре года!* [Лорен Вайсбергер. *Дьявол носит Прада* (М. Маяков, Т. Шабаева, 2006)]
- б. “**I can’t believe she’s late for her own moving day.**” [Lauren Weisberger. *The Devil Wears Prada* (2003)]
И из-за этого она не явилась на собственное новоселье? [Лорен Вайсбергер. *Дьявол носит Прада* (М. Маяков, Т. Шабаева, 2006)]
- с. “**I believe so.**” — *Anselmo said.* [Ernest Hemingway. *For Whom The Bell Tolls* (1940)]
Должно быть, — *сказал Ансельмо.* [Эрнест Хемингуэй. *По ком звонит колокол* (Н. Волжина, Е. Калашникова, 1968)]

Все три примера представляют собой ответные реплики. В первом примере фраза *Ты представляешь?* предваряет некоторую информацию, которая удивляет говорящего и которой, по его мнению, должен удивиться слушающий. Второй пример тоже иллюстрирует реакцию удивления, но отличается от предыдущего тем, что формально выражен более свободно — не застывшей формулой, а конструкцией¹³, неизменными для интерпретации которой остаются союз *и*, с которого она начинается, и структура, характерная для вопросительного предложения. В последнем случае мы имеем дело с фиксированным некомпозициональным оборотом (коммуникативом в терминологии И. А. Шаронова), представляющим собой готовую формулу для выражения некоторой эмоциональной реакции и являющимся полноценной ответной репликой.

¹¹ См., например, Шаронов И. А. Дискурсивные слова и коммуникативы // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2016»*. М., 2016.

¹² НКРЯ — Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorpora.ru/>

¹³ Термин употреблен в духе грамматики конструкций (см., например, Goldberg A. *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. Chicago, 1995.)

Такое же разнообразие мы видим и при переводе сочетания личного местоимения с провербом *do*, который выполняет анафорическую функцию, отсылая к глагольному антецеденту в одной из предшествующих клауз. Синтаксис русского предложения не предполагает аналогичного поверхностного выражения подобных отношений, поэтому сам проверб или даже целиком конструкция PRON + *do-proverb* часто вообще не переводится на русский язык, как в (24):

- (24) *"I see." "I doubt you do, Gareth..."* [Miranda Lee. *Fugitive Bride* (1998)]
 — *Понимаю. — Сомневаюсь Ø, Гаретт...* [Миранда Ли. *В любви все средства хороши* (М. Авдокушина, 2000)]

При этом, переводя эту конструкцию в составе ответных реплик в диалогической речи, мы снова сталкиваемся с большим разнообразием коммуникативов, которые подходят в качестве аналогов этой конструкции в русском языке:

- (25) a. *"And did you know that if you divide the number of female bees by the number of male bees in any beehive in the world, you always get the same number?" — "You do?"* [Dan Brown. *The Da Vinci Code* (2003)]
А известно ли вам, что если в любом на свете улье разделить число женских особей на число мужских, то вы всегда получите одно и то же число? — Разве? [Дэн Браун. *Код Да Винчи* (Н. Рейн, 2004)]
- b. *"As you can see from the front of my gown, I love freaks." — "You do?" Kevin said.* [Lemony Snicket. *The Carnivorous Carnival* (2002)]
Как вы можете судить по надписи на платье, я люблю уродов. — Правда? — *сказал Кевин.* [Лемони Сникет. *Кровожадный карнавал* (Н. Рахманова, 2005)]
- c. *"I'm not wondering why they fall! I already know!" The priest gave her an astonished look. "You do?"* [Dan Brown. *Angels and Demons* (2000)]
Мне-то как раз неинтересно, почему они падают. Это я уже знаю! — Да что ты говоришь! — *удивленно взглянул на нее священник.* [Дэн Браун. *Ангелы и демоны* (Г. Косов, 2004)]

В (25a), (25b) и (25c), взятых из параллельного англо-русского корпуса НКРЯ, представлен далеко не исчерпывающий список существующих эквивалентов.

Эти реплики соответствуют английской конструкции лишь по функции, прямого поверхностного сходства между русско-английскими фразами-эквивалентами не наблюдается. Кроме того, коммуникативы, в том

числе и те, в состав которых входит несколько единиц, представляют собой в высшей степени некомпозиционные комплексы, семантика которых никак не выводится из составляющих их частей. Все эти нюансы, безусловно, представляют большую проблему для инофонов.

Теперь обратимся к студенческим переводам. Вот как справляются с переводом фразы *I believe you do, indeed!* изучающие русский язык студенты, для которых родным и доминантным языком является английский:

(26) *Я считаю, что ты устаешь!* Студент 1

(27) *Я и верю.* Студент 2

(28) *Я верю, что это так, на самом деле.* Студент 3

(29) *Я тебя верю, действительно.* Студент 4

Сразу обращает на себя внимание тот факт, что все студенты-переводчики старались уйти от прямого соответствия английской фразе, но во всех четырех случаях представленные варианты не соответствуют принятой в русском языке норме. И эти нарушения связаны не столько с формальными ошибками, например, выбором неверной падежной формы при глаголе (см. пример (29) — *тебя верю*) или выбором между двумя русскими глаголами *считать* и *верить* в качестве аналога для английского *to believe*. Отдельную большую сложность представляет перевод реплики-ответа целиком. В английском эта реплика довольно громоздкая и состоит из трех частей — двух фраз типа PRON + V и наречия *indeed*. Ее непосредственная функция состоит в уверенном подтверждении говорящим реплики-стимула, и ее можно смело причислить к классу коммуникативов, поскольку она является вполне стереотипным способом выражения этой реакции в диалоговой паре. В русском языке ей соответствовали бы единицы *неудивительно*, *и удивительно*, *еще бы*, *представляю*.

Очевидно, что английский коммуникатив, в общем, идиоматичный по своей природе, устроен гораздо более композиционно, чем его русские аналоги. Во-первых, местоимением выражен сам говорящий (то есть носитель реакции). Во-вторых, отдельно выражено его согласие (глагол со значением мнения *believe* в положительной форме + положительная клауза) и отсылка к предшествующей реплике (проверб *do*, имеющий анафорическую функцию). В-третьих, есть наречие *indeed* с усилительным значением, которое добавляет мнению говорящего уверенности. В этом смысле гораздо более лаконичные русские эквиваленты значительно менее прозрачны.

Несмотря на то, что, как мы видели, и конструкция *I believe*, и конструкция *you do* имеют множество аналогов среди коммуникативов и дискурсивных слов, студенты не спешат искать нужный эквивалент в этой

области. Первый, третий и четвертый варианты, хоть и не представляют собой дословный перевод английского выражения, никак не могут считаться коммуникативами и воспринимаются скорее как утверждение, чем конвенциональный маркер реакции говорящего. Именно поэтому, несмотря на определенную аккуратность, которую проявляют авторы переводов при выборе эквивалентов (правомерно опуская анафорический проверб *do* в поверхностной структуре или перевода его глаголом-антецедентом либо другим выражением, к нему отсылающим), адекватными эти эквиваленты в данном контексте назвать трудно. В этом смысле наиболее уместным может считаться второй вариант перевода. Автор постарался наделить его дискурсивной функцией: ср. употребленное здесь выражение *я и верю*, в состав которого входит частица *и*, и которое образовано по образцу русского коммуникатива *я и говорю*, также выражающего согласие с предыдущей репликой.

Заключение и выводы

В данной работе мы представили новый ресурс — учебный корпус переводов на русский язык, который разрабатывается как часть более крупного проекта — Русского учебного корпуса (Russian Learner Corpus, RLC). Оба корпуса являются учебными, но содержащиеся в них данные существенно различаются. Если в RLC собраны тексты, демонстрирующие свободную продукцию, то в корпусе переводов представлены примеры ограниченного языкового выбора. Традиционно считается, что привязка к тексту-источнику несколько снижает доказательный потенциал исследуемого лингвистического материала, так как лишает говорящего автономности и ставит его в неестественную коммуникативную ситуацию. В предлагаемой статье мы попытались показать, что студенческие переводы могут представлять не меньшую лингвистическую ценность, чем обычные эссе. В качестве иллюстрации были рассмотрены два примера: счетная конструкция *a page or two* (N или два) и коммуникатив *I believe you do, indeed*. Помимо описания соответствующих им конструкций в русском, интерес представляют особенности языкового выбора студентов и регулярность различных грамматических и прагматических нарушений.

Так, анализ ошибок при переводе первой конструкции *a page or two*, а также зафиксированные на основе RLC употребления ее эквивалентов в свободной речи инофонов дают основания для дальнейшего типологического исследования как прагматических, так и морфосинтаксических правил, определяющих ее функционирование.

Второй пример открывает перспективы для кросс-лингвистического анализа в высшей степени идиоматичных дискурсивных слов и коммуникативов.

Проведенный анализ пока ближе к традиционному исследовательскому формату *case study*, который до сих пор широко распространен в переводе и работах по теории изучения второго иностранного языка. Мы надеемся, что активное исследование учебных переводов методами корпусной лингвистики откроет новые перспективы для исследований и позволит определить универсалии и степень индивидуального варьирования в речи нестандартных носителей русского языка. Искать и находить лингвистические константы и переменные в тех областях речевой деятельности, которые ранее мало кто решался активно исследовать, — один из любимых подходов Екатерины Владимировны, которая научила нас тому, что лингвистика — это всегда баланс строгой науки и увлекательного творческого занятия.